

с Б. А. Вальской, когда она пишет, что А. П. Баласогло предлагал «правильные методы изучения России на материалистической основе» (стр. 57). И утопический социализм А. П. Баласогло, как и других петрашевцев, и предлагаемые ими методы изучения России (он особенно подчеркивал коллективизм в работе), хоть и прогрессивные для своего времени, были однако далеки от «правильных» научных методов.

Интересный обзор работ, которые проводились в Отделении этнографии по изучению знаменитой «Книги Большому чертежу» (КБЧ), дает в своей статье Б. П. Полевой. Отмечая положительное значение работ Е. К. Огородникова, А. И. Макшеева и других членов РГО по анализу многих топонимов и этнонимов, имеющихся в КБЧ, Б. П. Полевой указывает вместе с тем и на ошибочность представления о том, что в КБЧ описывается единая большая настенная карта. Новый этап в изучении КБЧ открыли советские ученые, установившие, что основную часть текстов книги составляют «росписи» многих путевых чертежей. Интересны соображения автора о дальнейших задачах работы по истории ранней русской этнокартографии.

Истории этнографических исследований в Северной Америке посвящены статьи П. М. Кожина и Г. И. Дзенискевич. В статье П. М. Кожина дан источниковедческий обзор исследований по этнографии Калифорнии во время путешествия И. Г. Вознесенского в 1840—1841 гг. Более широкие хронологические рамки имеет статья Г. И. Дзенискевич «Вклад русских путешественников в этнографию атапасков Аляски (XVIII—XIX вв.)».

В. Е. Охлопков в статье «Новое о Э. К. Пекарском и В. Л. Серошевском» рассказывает о материалах Центрального Государственного архива Якутской АССР о Э. К. Пекарском и В. Л. Серошевском, об их связях с Восточно-Сибирским отделом РГО.

«П. А. Ровинский — собиратель, издатель и исследователь эпоса южных славян» — тема статьи Б. Н. Путилова, в которой детально раскрыт вклад ученого в изучение черногорской и шире — югославской эпической поэзии.

Наконец, в статье Ю. К. Чистова «Проблемы краниологии в трудах А. П. Богданова» дается биографический очерк известного русского антрополога, профессора Московского университета, видного деятеля Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии А. П. Богданова, показывается его вклад в изучение проблем краниологии, подчеркивается связь его взглядов с позднейшими исследованиями В. В. Бунака и Г. Ф. Дебеца.

Большая часть рецензируемой книги посвящена истории этнографической науки в рамках РГО — ВГО за 125 лет существования общества. Это ценный труд, который дает много нового всем интересующимся как историей РГО — ВГО, так и вообще историей русской этнографии.

Конечно, не вся тема исчерпана — невозможно в одном сборнике рассмотреть все богатое этнографическое наследие РГО — ВГО. И перед исследователями стоит задача продолжить интересную и важную работу по истории этнографических экспедиций, организованных Обществом, по изучению научного наследия таких выдающихся ученых, как Н. И. Надеждин, Н. В. Калачов, В. Н. Таманский, А. Ф. Гильфердинг, С. Ф. Ольденбург, В. И. Даль, Г. Н. Потанин, Н. Н. Миклухо-Маклай, П. К. Козлов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, И. П. Миннаев и многие другие.

Н. Н. Степанов

НАРОДЫ СССР

Очерки статистической этнографии Среднего Поволжья (Научные редакторы Е. П. Бусыгина и Р. Г. Кашафутдинов). Казань, 1976, 191 стр.

Эта небольшая книга, представляющая собой сборник статей, написанных группой казанских этнографов, работающих под руководством Е. П. Бусыгина, несомненно, привлечет к себе внимание читателей. Уже само название книги вызовет интерес. Что такое «статистическая этнография»? Чем она отличается от других разделов и направлений нашей науки? В чем видят авторы характерные приметы своего подхода к анализу изучаемых явлений? И самое, пожалуй, главное — каковы полученные ими результаты?

На первые три вопроса читатель не найдет в книге прямого ответа, так как в ней нет статьи, специально посвященной проблемам методологии и методики исследования, но косвенно, в ходе анализа конкретных материалов (и по мере чтения статей сборника) ответ на поставленные вопросы становится все яснее. Сделанный авторами вывод, если мы верно его уловили, показателен и очень важен. Он заключается в том, что этнография, имеющая дело с массовыми явлениями, характеризующими развитие культуры, быта, народного искусства, семейной и общественной жизни и т. п., может и долж-

на оперировать количественными понятиями. Авторы сборника хорошо понимают, что индивидуальные описания жилища или комплекса одежды, современной семьи или традиционной свадьбы и пр.—при всей их обязательности на определенном этапе исследования — оказываются недостаточными в том случае, когда ставится задача более точного воспроизведения хода этнокультурного процесса, когда важно выяснить не только его общую тенденцию (что возможно при обобщении обычных этнографических наблюдений), но желательно выразить ее в более строгих количественных показателях. Казанские ученые, таким образом, полагают, что все эти и ряд других задач с успехом решаются при помощи применения в этнографических исследованиях методов социальной статистики.

Авторы сборника — профессиональные этнографы, много сделавшие в области изучения традиционной и современной культуры и быта русского населения Урало-Поволжья¹. При этом следует отметить, что уже в ранее вышедших их трудах статистические приемы исследования использовались достаточно широко². Принципиальное значение рецензируемого коллективного труда состоит в том, что в нем фактически сделан специальный акцент на применении статистических приемов сбора и обработки традиционной этнографической информации, на показе научной продуктивности количественного анализа, в частности, применительно к таким сферам культуры и быта, при изучении которых еще редко применяются эти методы (например, декор и особенности интерьера жилища, народная одежда и др.).

В сборнике всего 10 статей. В четырех из них (Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин. Национально-смешанные семьи в сельских районах Среднего Поволжья; Л. И. Зорина. Современная русская сельская семья Чувашской АССР; Л. П. Шабалина, Т. С. Ижевская. Структура семьи русского сельского населения Ульяновской области; Н. В. Зорин. Изменение традиционной русской свадьбы за годы Советской власти) обсуждаются проблемы изучения семьи и семейной обрядности. В четырех других статьях (А. Г. Симонов. Типы и формы русских сельских поселений Среднего Поволжья; Н. В. Зорин и Л. С. Токсубаева. Декоративное оформление русского сельского жилища на территории автономных республик Среднего Поволжья; Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин и Л. С. Токсубаева. Интерьер русского сельского жилища на территории Закамских районов ТАССР; Е. П. Бусыгин и Л. П. Шабалина. Одежда русского сельского населения Ульяновской области) трактуются вопросы развития материальной культуры русского сельского населения в границах Урало-Поволжской историко-этнографической области. Одна из статей (Е. П. Бусыгин, Н. Н. Кучерявенко. Современная общественная и культурная жизнь русского сельского населения правобережных районов Татарской АССР) посвящена изучению истории взаимодействия социальных институтов и различных форм потребления культуры на селе, этнических результатов культурной революции. Наконец, еще одна статья (Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Е. В. Михайличенко. Областные газеты первого десятилетия советской власти как этнографический источник) носит источниковедческий характер.

Характерная черта сборника — стремление исследовать современные этнокультурные процессы, в том числе — выявить особенности бытования традиционных элементов быта и культуры в условиях современности. Другая типичная черта обсуждаемой работы состоит в историческом подходе к изучаемым явлениям, в желании авторов проследить самые существенные тенденции, более того — закономерности, свойственные их развитию. Это последнее обстоятельство следует подчеркнуть особо, так как оно, несомненно, тесно связано с использованием статистической методики анализа, в частности, с широким применением во многих статьях сборника метода построения динамических рядов (см. таблицы и графики).

В краткой рецензии невозможно подробно рассмотреть достоинства всех статей; поэтому мы здесь приведем лишь несколько примеров тех интересных соображений, которые высказаны авторами разных статей сборника. Прежде всего, заслуживает одобрения попытка при исследовании межнациональных браков ввести в анализ широкий набор факторов, которые могут на них воздействовать. Казанские ученые, применив для сбора массовых данных посемейную анкету, сумели выявить важное влияние при вступлении в национально-смешанные браки социально-профессионального статуса супругов, уровня их образования, соотношения их возрастов, участия супругов в общественном производстве и других факторов (стр. 15 и сл.). Далее, очень интересны мысли, касающиеся периодизации развития свадебных обрядов в послеоктябрьскую эпоху. Как известно, решение проблемы создания этнографических периодизаций — одной из наиболее актуальных в нашей науке — чрезвычайно трудно. Предложенная Н. В. Зориным трехчленная схема развития свадебного ритуала в изучаемом регионе, основанная на проработке широкого статистико-этнографического материала, несомненно, заинтересует специалистов (стр. 44—46 и др.).

¹ См., напр.: Е. П. Бусыгин. Русское население Среднего Поволжья. Казань, 1966; Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Е. В. Михайличенко. Общественный и семейный быт русского населения Среднего Поволжья. Казань, 1973.

² См., напр.: Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин. Межнациональные семьи в национальных республиках Среднего Поволжья. — IX, МКАЭН. Доклады советской делегации». М., 1973; Н. Н. Кучерявенко. Культура и быт русского сельского населения Правобережных районов Татарской АССР. Канд. дис. Казань, 1970 и др.

Очень любопытны наблюдения авторов статей о декоре и интерьере сельского народного жилища, в частности, вывод, что оформление современного сельского дома становится все более разнообразным (см., напр., стр. 176).

Все эти (и многие другие) положения, выражающие те или иные тенденции развития быта и культуры русского населения в Урало-Поволжской историко-этнографической области, оказалось возможным сформулировать с достаточно высокой степенью определенности в значительной мере потому, что в основу исследований, результаты которых изложены в рецензируемом сборнике, были положены массовые данные, а эти последние подверглись статистической обработке. Думается, что научная результативность примененных методов вполне оправдывает их использование как в обсуждаемом труде, так и в будущих исследованиях казанских коллег.

Следует сказать, что использование статистических методов уже имеет в советской этнографии свою традицию. Не говоря о работах этносоциологов, можно указать на труды М. В. Витова, Г. Ф. Дебеца и О. А. Ганцкой, Л. Н. Терентьевой, А. Ю. Петерсона, В. А. Липинской и других этнографов, применявших статистические приемы сбора и анализа именно этнографических данных. Авторы сборника, несомненно, опираются на эту традицию, но в некоторых отношениях идут дальше своих предшественников сознательно используя статистические методы во всех тех случаях, где это диктуется типом и характером поставленных исследовательских задач.

Признавая несомненные достоинства этой коллективной публикации, следует вместе с тем указать и на имеющиеся в ней погрешности. Мы, впрочем, не будем касаться конкретных вопросов. Отметим лишь, что не со всеми положениями авторов можно согласиться, что некоторые из их утверждений носят дискуссионный характер. Важнее сказать о том, что читателю следовало бы дать возможность убедиться в репрезентативности выборочной совокупности данных, в том, что выборка есть уменьшенный портрет генеральной совокупности. Это легче и убедительнее всего достигается сопоставлением в особой таблице данных выборки с данными генеральной совокупности. Кроме того, было бы полезно доказать, что сбор материалов в течение 3—4 лет и объединение этих данных в единые информационные массивы не может существенным образом изменить статистической картины изучаемых явлений. Далее, исследования, отраженные в материалах сборника, выиграли бы, если бы авторы не ограничились лишь построением двухмерных комбинационных таблиц и гистограмм, а применили бы более сложные приемы статистического анализа эмпирических данных.

Отмечая недостатки сборника, мы все же склонны в целом высоко оценить труд казанских этнографов. Этот труд знаменует начало нового этапа в развитии нашей науки, когда статистические приемы становятся обычными и повседневными в исследовательской работе, когда формируется новое методическое направление — статистическая этнография.

В. В. Пименов, Г. П. Федянович

И. С. Гурвич. Культура северных якутов-оленеводов (К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа). М., 1977, 245 с.

Более двух веков исследователи истории и этнографии народов Сибири привлекают судьбы якутского народа, оказавшегося в глубине Северной Азии, обладателя древней скотоводческой культуры, богатейшего языкового наследия, фольклора.

Однако рядом с якутами-скотоводами имелись говорящие на том же тюркском языке оленеводы, охотники и рыболовы — долганы и северные якуты — в низовьях Лены, на Оленеке.

Кто они, каковы их историко-культурные отношения с остальным, чисто скотоводческим, массивом?

Эту проблему особо, и это является его бесспорной заслугой, выделил крупнейший советский языковед, якут по национальности, Г. В. Ксенофонтов. Он на материалах фольклора выдвинул стройную гипотезу о том, что «северные якуты» явились первой волной в многоэтапном освоении якутами территории современной Якутии.

Теперь, в результате целенаправленных полевых исследований И. С. Гурвича, мы имеем первую фундаментальную работу о «северных якутах», где всесторонне освещается история вопроса, образ жизни этой группы якутского народа и ее культура.

Эта монография — «Культура северных якутов-оленеводов» — является одной из серии его работ, посвященных этнической истории Северо-востока Сибири.

Автор поставил перед собой задачу проследить результаты этнического взаимовлияния в области хозяйства, быта и культуры тюркоязычных скотоводов-якутов и охотничье-оленеvodческих групп аборигенов в обширных тундровых и лесотундровых областях Ленского края, непригодных для скотоводства и коневодства. В связи с этим долгие годы автор потратил на непосредственное исследование своеобразного этнического подразделения якутского народа — северных якутов-оленеvodов, осваивающих бассейны Оленека, Нижней Лены и прилегающих к ним районов.